

УДК 330.35

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-35-54

Ускорение экономического роста России после «ковидного» кризиса

Олег С. Сухарев

*Институт экономики Российской академии наук,
Москва, Россия mail@osukharev.com*

Аннотация. Целью исследования выступает решение проблемы ускорения экономического роста в России, которая была актуальна и до «ковидного» кризиса экономики, сохраняя свое центральное значение и после этого кризиса. Анализу подвержены различные подходы, позволяющие обозначить возможности в достижении цели по ускорению роста. Методологию исследования составляет макроэкономический и структурный анализ роста, применение которых позволяет выявить наличие не только проблем нехватки инвестиций для новой модели роста, но и проблем нехватки совокупного спроса, что видно по увеличению социального расслоения и росту бедности в России.

Рассматриваются различные варианты макроэкономической политики, которые могут быть использованы для преодоления «ковидного» экономического кризиса с оценкой предполагаемой результативности их применения.

Осуществлен структурный анализ ВВП по расходам, выявляющий то, как распределился кризис 2020 г. (по кварталам) по компонентам создаваемого продукта. Это позволяет обнаружить силу влияния кризиса на экономику, что требуется учитывать при формировании политики экономического роста с решением задачи его ускорения после «ковидного» кризиса. Анализ структуры роста ВВП дает четкое представление о коренных причинах вялой докризисной динамики российской экономики. С устранения или элиминирования этих причин и следует заниматься организацией новой модели роста в России. Предлагаемые на сегодняшний день рецепты макроэкономической политики и прогнозы лишь отражают сложившееся положение вещей, никак не продвигая указанную проблему.

Аналитическая перспектива решения видится в подчиненной цели ускорения роста коррекции структуры и регулирующих экономику институтов. Только так удастся обеспечить не только темп, но и качество будущего роста.

© Сухарев О.С., 2021

Ключевые слова: экономический рост, ускорение темпа, «ковидный» кризис, макроэкономическая политика, инвестиции, компоненты ВВП, эффективность, социальные проблемы роста

Для цитирования: Сухарев О.С. Ускорение экономического роста России после «ковидного» кризиса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 35–54. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-35-54

The accelerating of the economic growth of Russia after the COVID-19 crisis

Oleg S. Sukharev

*Russian Academy of Sciences Institute of Economics,
Moscow, Russia, mail@osukharev.com*

Abstract. The purpose of the study is a solution in the issue of accelerating economic growth in Russia, which was relevant even before the “covid” economic crisis, retaining its central importance after it. Various approaches are analyzed to identify opportunities to achieve the goal of accelerating growth. The research methodology is a macroeconomic and structural analysis of growth, the application of which makes it possible to identify the presence of not only the lack of investment for the new growth model, but also the lack of aggregate demand, which is evident from the increase in social stratification and the growth of poverty in Russia.

The article considers various options of macroeconomic policy that can be used to overcome the “covid” economic crisis with an assessment of the expected effectiveness of their application.

It also carries out a structural analysis of GDP by expenditures revealing how the 2020 crisis was distributed (by quarters) by the components of the product being created. That makes it possible to reveal the extent of the impact of the crisis on the economy, which must be taken into account when formulating a policy of economic growth with a solution to the issue of accelerating it after a “covid” crisis. Analysis of the structure of GDP growth gives a clear idea of the root causes of the sluggish pre-crisis dynamics of the Russian economy. It is only after the elimination of those reasons one should be engaged in organizing a new growth model in Russia. The recipes for macroeconomic policy and forecasts proposed today only reflect the current state of affairs, without in any way advancing the above issue.

The analytical perspective for the solution is seen in the subordinate goal of accelerating the correction growth of the structure and institutions regulating the economy.

So and in no other way one can ensure not only the pace, but also the quality of future growth.

Keywords: economic growth, acceleration of the pace, “covid” crisis, macroeconomic policy, investments, components of GDP, efficiency, social issues of growth

For citation: Sukharev, O.S. (2021), “The accelerating of the economic growth of Russia after the COVID-19 crisis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economy. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 35–54, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-35-54

Введение

Необходимость ускорения экономического роста в России возникла отнюдь не по причине «ковидной» атаки в 2020 г. Эта проблема стала острой при исчерпании темпа роста в период 2010–2014 гг. и после рецессии 2015–2016 гг., когда экономический рост, по существу, не смог превзойти отметку по темпу в 2,3% – наивысший показатель темпа в 2019 г. перед «ковидным» кризисом 2020 г. Потребность в совершенно иной модели экономического развития обсуждается в России не одно десятилетие [Абалкин 2005; Анисимов и др. 2014; Глазьев 2017], однако это не приводит к ее формированию на практике.

Постановка задачи роста в виде опережающего инновационного развития и выбор для этого инструментов в виде стратегии развития страны 2020 г. или национальных проектов до 2024 г. не приводят к измеримому успеху. Одна из весомых причин в том, что указанные инструменты проектируются без учета результатов предшествующего развития страны, а также полученных экономической наукой (эволюционной теорией), показывающих, что попытки увеличить инновации и число новаторов оборачиваются в силу созданных институциональных препятствий обратным эффектом [Сухарев 2006]. Экономика впадает в стагнацию или кризис, а устойчивый рост становится целесообразно обеспечивать именно за счет консервативной, а не инновационной модели развития [Сухарев 2003].

Такой исход задается сложившейся экономической структурой и институтами, причем выправление ситуации не будет обеспечено за счет улучшений в работе судебно-правовой системы, создания лучшего бизнес-климата, конкурентной и инвестиционной среды, приватизации, разных форм поддержки малого и среднего бизнеса и иных сопряженных действий, неоднократно предлагавшихся отдельными консультантами и экспертами. Причина низкой эффективности перечисленных мер, применяющихся с разным

масштабом в течение не одного десятка лет в России, состоит в том, что структура экономических видов деятельности и правил хозяйственного поведения трансформировалась и указанные меры укладывались именно в эту базисную модернизацию. Отсюда вытекала и низкая продуктивность проводимой экономической политики, пренебрегающей складывающимися хозяйственными пропорциями, перемещением ресурсов между секторами экономики и видами труда. Именно указанные пропорции обладали большей силой влияния на экономику, нежели все остальное, являющееся лишь отдельным способом незначительного оживления динамики, – и то в избирательных случаях и ограниченных отрезках времени. Инерция структурной и институциональной трансформации оказалась настолько сильной, что свертывала инновационный процесс, поскольку происходила утрата капитала, квалификации труда, что сокращало инновации. Срабатывал порочный круг: сокращение капитала снижало возможности для инноваций (меньший объем капитала не способствует повышению прибыли), а низкое число инноваций не стимулировало накопление капитала, так как не позволяло увеличить предельный продукт капитала.

Возможности для инноваций – их появления и восприятия в экономике – определяются величиной и качеством капитала. В связи с этим раздельное представление влияния инноваций и накопления капитала на рост для отдельных стран совершенно не находит подтверждения [Aghion, Howitt 2017]. Можно отметить, что величина накопления капитала является всего лишь предпосылкой или условием долгосрочного роста, предопределяя его траекторию, но инновационная модель роста всецело детерминируется преобладанием технологических и продуктовых инноваций, которые без капитала, по сути, блокируются. Поэтому отсутствие обновления капитала, эффективной амортизационной политики, низкий уровень инвестиций в основной капитал и технологии приводят к закономерному торможению роста. Исходя из этого положения следует наделять меры экономической политики, включая планы развития, воздействием на обновление фондов и технологий. Если это не присутствует как задача в рамках реализуемых проектов или программ, то автоматически снижается сила их влияния на экономическую динамику, по крайней мере перспективно ориентированную.

Проблема источников экономического роста, а также тормозящих рост факторов представляет для макроэкономической политики основную предметную область. Причем структура экономики, в частности секторальная, предопределяет возможность обеспечить темп роста. Это видно даже при сравнении российской и китайской

экономики последних десятилетий начиная со второй половины 1990-х гг. [Zhao, Tang 2018]. В России происходила трансформация в пользу сектора услуг, причем при значительной деградации производственных секторов. В Китае, несмотря на некоторое развитие услуг, именно производственные секторы стали базой экономического роста. Ускорение роста в Китае в 2000-х гг. относительно второй половины 1990-х гг. доказательно связывают с вкладом в темп именно обрабатывающих секторов, а не услуг [Zhao, Tang 2018]. Как правило, услуги растут медленнее, чем производство продуктов различного назначения. В России, как показывают авторские исследования, основной вклад в темп давали транзакционные секторы (услуги), затем сырьевые виды деятельности и только потом – переработка. Этот тезис подтверждают и исследования китайских специалистов [Zhao, Tang 2018].

Однако с их общим выводом, что тем самым китайская и российская экономки дополняют друг друга, нельзя согласиться.

Во-первых, Россия ищет возможности другой модели роста, поскольку услуги не дают должной динамики, следовательно, остается модель индустриального роста, по которой придется конкурировать с Китаем.

Во-вторых, дополнение же приведет к закреплению сырьевой модели, абсолютно без значимых перспектив для экономической динамики, при доминировании услуг и, тем более, для качества роста.

Таким образом, задачу ускорения роста в России можно и нужно видеть только как развитие обрабатывающих секторов и высоких технологий, взнос которых в темп роста следует планомерно увеличивать. Это возможно осуществить за счет инвестиций в основной капитал и технологическое обновление. Одновременно следует вводить меры структурной политики, обеспечивающие указанное развитие обработки и наполнение ее ресурсами, что приведет к формированию модели роста нового качества. Обозначенный стратегический подход позволяет не только ускорить рост, но и создать его модель, обеспечивающую решение социальных проблем развития – бедности и неравенства.

«Ковидный» кризис 2020 г., с одной стороны, ухудшил возможность решения сформулированной задачи, но, с другой стороны, дал и возможность коренных структурных изменений, которой можно воспользоваться. Если будет сохранена прежняя макроэкономическая политика, фиксирующая развитие в рамках сложившегося валютно-процентного рычага, то она как раз воспроизведет тот порочный круг «капитал – инновации», который не позволит ни значимо ускорить рост, ни создать новые его источники и качество.

Рассмотрим некоторые наиболее важные особенности кризисной динамики 2020 г., а также предшествующих лет и перспективы политики экономического роста. Социальные проблемы роста на первом этапе будут ощутимым ограничением для возникновения режима экономического роста на базе инвестиций, так как придется решать задачу увеличения спроса и доходов населения (при кризисе они сильно понизились) и одновременно наращивания инвестиций в основной капитал с акцентом на обрабатывающие секторы. Последнее справедливо только в том случае, если Россия не вынашивает планы просто дополнять Китай, как ратуют отдельные китайские представители в своих научных статьях [Zhao, Tang 2018].

Экономическая динамика при вирусной атаке

Кризис 2020 г. является особым видом кризиса. Полагаю, что его нельзя называть социальным или структурным только по той причине, что он вызывает резкое ухудшение показателей социального развития и приводит к изменению хозяйственной структуры. Одни виды деятельности закрываются на карантин, на другие ограничивается спрос, иные получают добавочную нагрузку в виде повышенного спроса, который требуется быстро удовлетворить в связи с пандемией (медицина, фармацевтика, коммуникация, логистика). В принципе, прошлые финансовые и экономические кризисы обычно приводили к ухудшению социальных показателей и, конечно, как итог вызывали изменение структуры. Однако они возникали либо вследствие спекулятивного обвала финансового рынка (или ипотечного), либо по причине шока спроса и предложения. Причем шок предложения происходил в силу изменения цены на энергоносители, т. е. был связан с резким скачком по затратам производства.

В случае пандемии 2020 г. шок предложения происходил вследствие прямой остановки производства – как исходной главной причины. Это приводило к росту дефицита производимых благ и, передаваясь по мультиплицирующей цепочке, разворачивало широкий спад производства продуктов и услуг. Причем первым сектором, который был подвержен такой остановке, явились услуги, вносящие главный вклад в экономическую динамику. Именно по этой причине во втором квартале 2020 г. наблюдался резкий провал в этой динамике по ВВП и другим показателям. Кстати, добывающая отрасль довольно быстро среагировала также падением, превышающим темп падения ВВП, а обработка снизилась на величину, меньшую, чем ВВП.

Однако весьма сдержанная динамика наблюдалась и в первом квартале 2020 г. по базовым макроэкономическим параметрам. Казалось бы, первый квартал не является показательным, но если динамика становится хуже того же квартала предыдущего года и сильно уступает четвертому кварталу, то можно обозначить это как проблему развития. Особенно если экономика не показывает той динамики, которую ожидали после рецессии 2015–2016 гг. в течение трех лет подряд.

Таким образом, не перегрев финансового рынка или экономики, не сформировавшийся пузырь на ипотечном или фондовом рынке, не кризисы платежных балансов и девальвации или шоки в силу снижения цены на нефть для одних стран и повышения цены на нефть для других государств спровоцировали мировой кризис 2020 г. Причиной стала политика самоограничений вследствие вирусной атаки, проводимая по причине необходимости спасения населения. Такой источник кризиса в экономике в современной истории наблюдается впервые, поэтому справедливым ему титулом будет «вирусный кризис». То обстоятельство, что он не только ухудшает социальные параметры развития, увеличивая бедность и неравенство, понижая доходы и спрос, останавливая производства, разрушая малый и средний бизнес, но и порождает особую форму социального взаимодействия и контрактации в виде сетевых взаимодействий агентов, подтверждает необходимость выделения этого кризиса в особый тип. Вполне обоснованным с точки зрения таксономии представляется подход, позволяющий по источнику кризиса определить его тип. Иные варианты по социальной компоненте и структуре не отграничивают специфические черты этого кризиса от иных возможных и наблюдавшихся в экономической истории вариантов.

На рис. 1, 2 показаны эмпирические данные, характеризующие развертывание «ковидного» кризиса (на момент проведения анализа данные по четвертому кварталу 2020 г. пока отсутствовали).

По индексу-дефлятору (рис. 1), а также по индексу физического объема ВВП следует отметить, что уже в первом квартале наблюдалось снижение валового продукта России. Во втором квартале происходит обвальное его сокращение, и только третий квартал характеризуется некоторым возвратом индексов. В постоянных ценах видно увеличение ВВП в третьем квартале (рис. 1). Хотя реальные располагаемые доходы населения, сократившиеся почти на 12% во втором квартале 2020 г., в третьем квартале уже показывают некоторое улучшение (снижение спада – рис. 2), тем не менее к кварталу предыдущего года это абсолютное падение.

Рис. 1. Динамика ВВП по индексу-дефлятору, 2012–2020 гг.¹ (*сверху*)
и ВВП в постоянных ценах 2016 г.
с исключением сезонного фактора (*снизу*), млрд руб.²

¹*Источник:* построено по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения 12 сентября 2021).

²График дается по данным Росстата. Оценка данных о производстве ВВП с исключением сезонного и календарного факторов осуществляется в программном продукте “JDEMETRA+”. Выбор оптимальных параметров модели сезонного сглаживания осуществляется автоматически, фиксируется в начале года и не меняется на его протяжении. Для учета календарных эффектов в программе используется актуальный российский

Рис. 2. Реальные располагаемые доходы населения России, 2014–2020 гг.³

Обратим внимание, что наметился спад по указанным параметрам (рис. 1, 2) уже в первом квартале, т. е. до ввода карантинных мер. Это связано не только с нисходящей динамикой цен на нефть – такое объяснение стало стереотипным уже давно, но и с инерцией рецессионных проблем России, преодоление которых по части социальной политики шло до «ковидного» кризиса весьма тяжело.

Рисунок 3 отражает измерение в структурной динамике ВВП России за предшествующие годы и на участке трех кварталов кризисного 2020 г. Анализ поведения компонент ВВП представляется важной составляющей докризисной и кризисной динамики, порождая задачи в области макроэкономической политики в посткризисный период, когда масштаб пандемии сокращается.

календарь и задается параметр, учитывающий влияние количества рабочих дней (происходит деление на выходные и будние дни) и високосного года. В качестве исходной информации для осуществления сезонно-календарной корректировки применяются квартальные значения индексов физического объема ВВП в процентах к значению условного среднего квартала 2016 г.

³Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Уровень жизни» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397/> (дата обращения 12 сентября 2021).

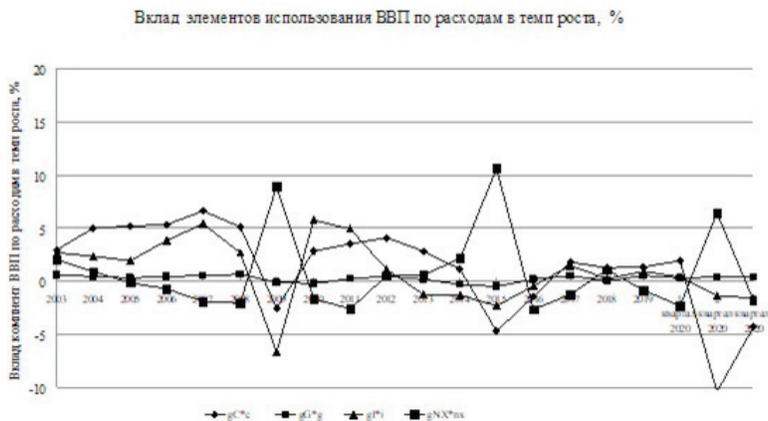

Рис. 3. Структурная динамика ВВП России, 2002–2020 гг.
(три квартала 2020 г.)⁴

Как следует из рис. 3, уже с 2013 г. российская экономика показывает весьма вялую динамику. Из рецессии 2015–2016 гг. эта динамика возвращается в 2017–2019 гг. Доминирует по вкладу в темп роста валовое потребление, вклад инвестиций и правительственных расходов весьма невысокий, а чистый экспорт в 2019 г. и первом квартале 2020 г. оказывает на рост скорее тормозящее действие. Во втором квартале 2020 г. проседает валовое потребление, инвестиции вносят отрицательный вклад в темп роста и только чистый экспорт противостоит увеличению спада. Таким образом, со второго квартала 2020 г. можно констатировать ухудшение структурной динамики ВВП по расходам. При этом важно ответить, что эта динамика была вялой и в 2019 г.

Притом, что Россия после рецессии 2014–2016 гг. не сменила исчерпывающую силу модель роста. Она основана на доминировании потребительских расходов, при низкой динамике инвестиций, откровенной слабости по влиянию на темп роста правительственных расходов. На графике (рис. 3) видно, что 2013 г. является своеобразным водоразделом в двух видах динамики, являющихся атрибутом одной и той же модели роста, – ведущая роль валового потребления при резко возрастающем значении чистого экспорта в кризисные годы, сопровождаемые девальвацией.

⁴Источник: расчет автора по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 2 сентября 2021).

Первый режим динамики этой модели роста обнаруживает относительно высокий темп роста (был выше среднеевропейского). Он связан с повышательной динамикой цен на мировых рынках и расширением потребления, усилением позиции транзакционного и сырьевых секторов в экономике России. Второй режим динамики – когда данная модель роста исчерпана (с 2013 г.) и экономика, очевидно, входит в рецессию, выход из которой так и не сопровождался до «ковидного» кризиса никакими кардинальными изменениями в структуре роста и хозяйственного развития. Второй режим динамики характеризуется пониженным средним темпом роста, стабилизацией параметров инновационного развития (при снижении уровня технологичности и инновационных процессов) и снижением показателей социального развития – реальных располагаемых доходов на душу населения. В этот же период наравне с кризисом доходов возникает инвестиционный кризис (отрицательный темп роста инвестиций и их вклада в общий рост экономики). Возникновение второго режима ставит на повестку дня вопрос как о его смене, по крайней мере невозврате к нему, так и, что более важно, – о смене модели роста. Ведь она, по существу, не изменяется, так как возникает только иной режим динамики (по темпу) в силу смены ее причин.

Происойдут ли структурные изменения, будут ли предприняты усилия по формированию новой модели роста экономики России в посткризисный период, зависит от макроэкономической политики, общий контур которой просматривается исходя из плановых заявлений и требует подробного анализа. Проведем ряд полезных обобщений точек зрения по этому поводу, включая авторскую позицию, в следующем параграфе.

Источники экономического роста и задачи макроэкономической политики

Исходя из различных аналитических документов⁵, включая отдельные доклады, можно заключить, что формируемый набор мер экономической политики направлен на возрождение уже имевшей место модели роста. Более того, поскольку первый режим этой модели вернуть проблематично в силу сжатой ценовой динамики и рецессионных явлений в мировой экономике («ковидный» кризис

⁵Заявление правительства и прогнозистов-экспертов, работающих в рамках секции экономики РАН, готовящих свои рекомендации для правительства, а также публичных докладов, в частности академика РАН А.Г. Аганбегяна.

обеспечит одновременное восстановление отдельных экономических регионов мира), постольку весьма вероятен сценарий выхода на наибольший темп роста 2–3% в ближайшие два года, при условии соответствующей элиминации «вирусного» кризиса. В этом случае российская экономика будет реализовывать скромные инвестиционные ресурсы. Кроме того, она будет пытаться восстановить уровень докризисного потребления. При этом следует принимать во внимание хронический характер социальной проблемы – отсутствие роста реальных располагаемых доходов в течение пяти–семи лет подряд. Это изменило структуру спроса, снизив потенциал его роста, обнажив задачу увеличения доходов и спроса.

Существующие прогнозы сценарного типа, к сожалению, не могут учесть усиливающих друг друга негативных накопленных эффектов предшествующего развития. Они создают завышенный оптимизм, ориентируясь на количественный показатель темпа роста. Важно то, что именно будет расти, сколько по времени, насколько исчерпаем этот рост до следующего кризиса, особенно если меры экономической политики возобновляются прежние. Последнее обстоятельство подтверждается документально. Так, Центральный банк России уже заявил⁶ о рисках инфляции и невозможности снижения ставок, дав четкий сигнал субъектам финансового рынка о повышении процентных ставок в будущем⁷. Уже это заявление, сводимое к перспективному отказу от мягкой денежной политики и постепенному переходу к нейтральному варианту этой политики, способно повлиять на инвестиции и их структуру. Агенты финансового рынка, банки, ориентируясь на такое заявление, вполне могут придержать свои инвестиционные планы, если они были, в ожидании повышения процента. Такая реакция подчиняется «золотому правилу инвестирования» – продавать, когда дорого, покупать, когда дешево. Вот предоставление кредитов и получит отсрочку по времени до повышения их стоимости.

При выходе из экономического кризиса не важно, что он вызван вирусной атакой, тем не менее такие заявления монетарного

⁶Заявление Председателя ЦБ РФ от 12 февраля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=9577> (дата обращения 14 сентября 2021).

⁷Это объяснялось в основном тем, что экономика России якобы хорошо восстанавливается. Используется термин «восстанавливается», характеризующий четкий возврат к прежней модели роста, включая поведение регулятора, что видно по заявлению. Обратим внимание, что в заявлении отсутствует даже намек на то, что задача ускорения роста – это «доковидная» задача и ЦБ РФ по идее обязан реагировать в рамках комплекса мер по ее решению, в том числе изменяя подходы, корректируя свои знания об

регулятора, как и анонсы сдерживающей макроэкономической политики, недопустимы. Это верно, несмотря на оговорки о постепенном пересмотре смягченной монетарной политики. Именно такое поведение денежных властей можно трактовать как возврат к политике валютно-процентного рычага, когда на высоком проценте строился механизм отмывания и вывода капитала из России за рубеж. Затем капитал отчасти возвращался под высокий процент, растекаясь исключительно в секторы услуг и сырьевые виды деятельности, при обеднении обрабатывающих секторов. В итоге поддерживается потребление, инвестиции сжаты, а российская экономика развивается от кризиса до кризиса в точности так, как указывали китайские специалисты, уповая на ресурсное дополнение российскими возможностями китайского развития. При этом экономика показывает определенный рост ВВП и доходов.

Представленная модель развития, построенная на перекачке ресурсов России за рубеж и обогащении очень узких слоев населения, не может быть признана удовлетворительной. Обсуждаемые в сфере аналитических дискуссий варианты представляют собой паллиативы и совсем не новые рецепты развития. Назовем три базовых подхода⁸, которые видны в обсуждениях «ковидного» кризиса и проводимой антикризисной политики.

экономике. Однако именно этого не наблюдается. Сохраняется позиция таргета в 4% по инфляции как основная задача, которую видит ЦБ РФ. Повышение инфляции до 5,2% в 2020 г. воспринимается как нежелательное, требующее мер по подавлению, хотя это закономерный кризисный исход для экономики. Потенциал для мягкой денежно-кредитной политики исчерпан, как будто ее диктовал только «ковидный» кризис, а не проблема ускорения роста экономики, которая была остра и до него. Называется базовая причина ликвидации мягкой монетарной политики – это возможный рост проинфляционных рисков. Дословно эта фраза звучит так: «Ее дальнейшее смягчение могло бы привести к дополнительному росту проинфляционных рисков». При этом, справедливости ради, вариант относительно мягкой монетарной политики на 2021 г. ЦБ РФ в среднем сохраняется. Переход к нейтральной политике привязывают целью выхода на инфляцию в 4%. При этом не исследуется и не показывается никакая связь монетарной компоненты и инфляции.

⁸ Конечно, они условны, не исчерпывают весь набор мнений, но отражают главные аналитические усилия, показывая их высокую близорукость. Чтобы не обидеть аналитиков, коллег по цеху, я даю ментальные ступки применяющихся в дискуссии конструкций специально без конкретных отсылок, так как исследовательская среда является высокообидчивой и часто не воспринимающей аргументированные возражения.

Во-первых, на базе отраслевого и макроэкономического анализа динамики освещаются проблемы развертывания кризиса и докризисной рецессии российской экономики. Акцентируются нехватка инвестиций и острая необходимость их инициации. Проводимый в рамках этого направления анализ является весьма глубоким и интересным с точки зрения сбора данных о кризисе и об экономической динамике России. Однако из него не вытекает конкретных рекомендаций, способных увести российскую экономику от прежней модели роста. К сожалению, это характерно и для двух следующих вариантов анализа. Можно отметить, что акцент на инвестиции важен, но без учета кризиса потребления, который одновременно с инвестиционным кризисом несколько лет подряд развертывался в России до вирусной атаки, он будет бесполезен. Можно перечислять известные источники инвестиций – Фонд национального благосостояния (до 11 трлн руб.), валютные резервы страны (600 млрд долл.), активы банков (до 85–90 трлн руб.⁹). Кроме этих очевидных источников имеется еще возможность увеличить государственный долг. Но проблема состоит в том, что внешние возможности крайне ограничены по причине общей рецессии в мире и санкционной политики, а внутренние – детерминируются низкими доходами населения. Хотя в игру с ГКО могут быть втянуты наиболее богатые слои населения, чьи доходы либо снизились несущественно, либо не снизились вообще или даже возросли (финансово-банковский сектор). Так или иначе, но финансовый ресурс сосредоточен в банковском секторе, плюс тот или иной вид резервов, имеющихся у государства. К тому же неплохо было бы решить, наконец, проблему развития за счет кредитования, а не собственных средств субъектов (как это происходит многие годы, особенно в обработке).

Остается нерешенным самый важный вопрос о связи этих потенциальных инвестиций с потреблением и о том, кто именно и куда будет вкладывать эти финансовые ресурсы. Кто получит этот ресурс из резерва и как именно. Помимо их наличия требуются мотивы и желание осуществлять вложения, как и отвечать за такую инвестиционную политику. Именно ответственность, определяемая во многом эффективностью вложений, неспособной быть сразу высокой, становится центральным условием для такой экономической политики. Определяющими становятся привлечение имеющихся ресурсов в частном банковском секторе, а также рассредоточение ресурса из Фонда национального благосостояния и привлечение некой части валютных резервов. Разумеется,

⁹ Инвестируют банки всего около 2 трлн руб.

подобные предложения должны сопровождаться оценками по изменению налоговой структуры, что обычно не учитывают. Требуется принимать во внимание и структуру владения объектами, где сосредоточены финансовые ресурсы, а также объектами, которые потенциально могут получить их для освоения. Для решения таких задач потребуются явно расширить возможности бюджетного механизма как инструмента, способного использовать именно указанные резервы, кроме частных возможностей банков, на которые следует влиять в понуждающем режиме. Много лет назад автором для этой цели предлагался «процентный портфель», а позже были предложены математические обоснования¹⁰.

Бюджетный механизм не может играть столь пассивную роль, как это наблюдалось до «ковидного» кризиса и даже в условиях кризиса. Чтобы вести речь о новой модели роста для России, требуется на порядки изменить роль и возможности бюджета как главного инструмента распределения ресурсов в экономике. Удивительно, но банальная вещь улетучивается из сферы высоколобных дискуссий о новой модели роста и преодолении кризиса 2020 г. в России. Хотя по инструментальным характеристикам она не является столь уж банальной, поскольку требуется обосновать как величину отвлекаемых из резервов ресурсов, так и их распределение в рамках бюджета и отдельно предложить мотивационную шкалу для привлечения банковского ресурса и средств населения. Как видим, к первой группе аналитиков есть масса вопросов, точнее, они не дают конкретных ответов даже на собственные постановки. Перейдем к следующей группе аналитических обобщений.

Во-вторых, на основе межотраслевого баланса оцениваются текущие действия в кризисной ситуации по поддержке совокупного спроса и отдельных отраслей, видов деятельности. Даются сценарные кратко- и среднесрочные прогнозы. Это направление в дискуссии о росте и антикризисной политике во многом перекликается с первым, но детализирует отдельные его моменты, применяя прогнозные оценки, в итоге сводя все к имеющимся резервам и оценкам текущей реакции властей на кризис. Никакого горизонта действий по изменению экономики оно не дает, как и первый вариант выступлений, охватывающих логику указанных выше аналитиков. Оценки в рамках этого направления дискуссии касаются определения величины допустимой девальвации, которая бы не вызвала сильный шок по инфляции, аккумулируют данные по

¹⁰ Первое предложение по процентному портфелю относится примерно к 2007–2010 гг. В 2016 г. в книге «Теория реструктуризации экономики» было дано развернутое математическое представление этой идеи.

отдельным экономическим сферам и ресурсные текущие возможности. При тех или иных сценарных условиях даются некие оценки роста и выхода из кризиса в привязке к исходным позициям. Однако это не позволяет такой аналитической работе увидеть корень проблем с замедляющимся ростом накануне «ковидного» кризиса.

А многофакторный, системный аспект роста в таком поверхностном анализе уходит из области внимания. Кроме того, отсутствуют сомнения в правильности отдельных целей макроэкономической политики, а также аналитические усилия по коррекции этих целей. Например, пересмотр таргетирования инфляции, цели структурного развития и качества роста, совмещенные с его ускорением, и т. п. Более того, при оценке влияния национальных проектов ничего не говорится о добавочном ресурсе, рубежных показателях, о том, как изменить подходы по планированию приоритетных направлений. В частности, как требуется учесть обновление фондов, инновации и технологичность, как скоординировать все национальные проекты в едином плане с обоснованием выделения ресурсов по ним, причем превышающим сегодняшние назначения. Возникает устойчивое ощущение боязни изменить даже аналитические подходы, не говоря уже о рекомендательной части. Представители этой аналитической группы движутся также в критическом русле, но весьма взвешенно, как бы стесняясь поколебать базовые устои, неправота которых делает и движение экономики, и сам этот анализ абсолютно бесполезными. Точнее, экономика возвращается к прежней модели, а вот анализ успешности модели и ее изменения детерминирована исходными целями. Иными словами, занимаются поиском решений в заведомо ненужных и неэффективных границах без учета главного, например структуры владения собственностью в экономике.

В-третьих, рассматриваются институциональные реформы и условия изменения институтов в докризисной экономике. Приводятся примеры «экономического чуда», т. е. рывков в экономическом развитии. Однако без глубокого анализа основных движущих факторов и условий, которые их вызвали. Причины успеха сводят только к институциональным изменениям. Для России при этом не предлагается институциональных изменений, способных вывести страну на новую траекторию роста. Более того, акцент делается на заимствовании институтов и технологий для преодоления технологического отставания, что в принципе выглядит слабо обоснованным. Пропагандируется ввод региональных агентств развития, без учета того, что многие функции в регионах и на федеральном уровне уже имеются, а неучет дисфункции этих функций как раз и говорит о том, что новые организации не будут спасительными для

разрешения указанной проблемы, как и заимствование институтов и даже технологий.

Таким образом, обобщая, можно сделать вывод, что аналитические предложения для развития российской экономики на рубеже 2020–2021 гг. являются весьма усеченными по смыслу и своему содержанию. Они подстраиваются под исходные цели, без вариантов их изменения. В этом случае научная и аналитическая работа становится ведомой, а не ведущей. Она не может изменить ситуацию, в лучшем случае способна рекомендовать возврат к каким-то потерянным при кризисе позициям. Особо опасной, в психологическом плане, выступает положительная оценка успехов, которые имеются всегда даже в самой отсталой экономике. Информационная концентрация таких успехов может привести к фиксации справедливости научных рекомендаций и подтвердить «правоту» аналитической работы в то время, как реально подобные характеристики правоты и научности отсутствуют.

Перечисление ресурсов на развитие, сосредоточенных исключительно в финансовых областях и резервах, – это паллиатив, так как самый большой ресурс концентрируют виды деятельности, экономические секторы. Одни из них разбухают как на дрожжах во многом за счет других. Именно это и исчерпывало рост вместе с внешней ценовой динамикой, но после ослабления силы последней стало самым главным фактором торможения.

Ускорение экономического роста требует привлечения именно указанного «структурного ресурса». Новая модель роста не должна строиться из полумер перекидывания финансов под некие схемы их размещения, даже без однозначных ответов по тому, как изменится бюджетный механизм и как понудить банки кредитовать то, что нужно экономике, а не только то, что нужно ради прибылей и вывода капитала из страны самим банкам.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, дадим два базовых вывода.

Во-первых, ускорение экономического роста в России возможно только при изменении институтов, структуры экономики и иного распределения ресурсов, а также при смене аналитического содержания применяемых к подготовке государственных решений подходов. Перечисленные в докладе подходы, наиболее адекватные из них (два первых), могут быть только вспомогательными методами при подготовке решений, так как они не касаются оценки

адекватности целеполагания и не направлены на формирование новой модели роста, ее обоснование и доказательство. Максимум эти аналитические заключения описывают status quo и в самом лучшем случае способны вернуть прежний «рост без развития», что абсолютно не является аналитически оригинальным результатом, тем более если он делается коллективом, а озвучивается обычно представителем руководства.

Во-вторых, ускорение роста не может быть самоцелью, без оценки качества роста и перспективных изменений в социальных показателях и структуре развития, которые вместе с ним должны возникнуть, что и требуется сделать ориентиром проводимой макроэкономической политики.

Тем самым аналитический поиск требуется проводить в направлении придания иного темпа и качества развития обрабатывающим секторам (на основе российской технологической базы), с организацией перемещения ресурсов из других секторов экономики под главную задачу (в случае ее такой формулировки, так как она отсутствует пока в соответствующих документах экономической политики).

Благодарности

Доклад на Чайановские чтения РГГУ (март 2021 г.) подготовлен в рамках темы государственного задания Центру институтов социально-экономического развития ИЭ РАН. Доклад написан в январе-феврале 2021 года по предварительным итогам развития экономики России в 2020 году.

Acknowledgements

The report for the Chayanov Conference of the Russian State University for the Humanities (March 2021) was prepared within the framework of the state assignment to the Center for Socio-Economic Development Institutes of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The report written in January-February 2021 is summarizing the early results of the Russia economy performance in 2020.

Литература

- Абалкин 2005 – *Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения. М.: Наука, 2005. 464 с.
- Анисимов и др. 2014 – *Анисимов А.Н., Воронин Ю.М., Лабзунов П.П., Островский А.В., Сухарев О.С.* России нужна другая модель развития. М.: Ленанд, 2014. 144 с.

- Глазьев 2017 – *Глазьев С.Ю.* Битва за лидерство в XXI веке. Россия, США, Китай: Семь вариантов ближайшего будущего. М.: Книжный мир, 2017. 352 с.
- Сухарев 2003 – *Сухарев О.С.* Эволюционная макроэкономика в Шупетерианском почтении (к новой системе взаимодействия «новатора» и «консерватора») // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 41–52.
- Сухарев 2006 – *Сухарев О.С.* Эволюционная макроэкономика в постановке и решении проблем экономической политики (модель взаимодействия «новаторов» и «консерваторов») // Информационная экономика и концепции современного менеджмента: Материалы первых Друкеровских чтений. М.: Доброе слово, 2006. С. 158–178.
- Aghion, Howitt 2017 – *Aghion P., Howitt P.* Some Thoughts on Capital Accumulation, Innovation, and Growth // *Annals of Economics and Statistics*. June 2017. № 125/126. P. 57–78.
- Zhao, Tang 2018 – *Zhao J., Tang J.* Industrial structure change and economic growth: A China-Russia comparison // *China Economic Review*. 2018. Vol. 47. P. 219–233.

References

- Abalkin, L.I. (2005), *Rossiya: poisk samoopredeleniya* [Russia. The search for self-determination], Nauka, Moscow, Russia.
- Aghion, P. and Howitt, P. (2017), “Some Thoughts on Capital Accumulation, Innovation, and Growth”, *Annals of Economics and Statistics*, no. 125/126, pp. 57–78.
- Anisimov, A.N., Voronin, Yu.M., Labzunov, P.P., Ostrovskii, A.V. and Sukharev, O.S. (2014), *Rossii nuzhna drugaya model' razvitiya* [Russia needs a different development model], Lenand, Moscow, Russia.
- Glaz'ev, S.Yu. (2017), *Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya, SShA, Kitai. Sem' variantov blizhaishego budushchego* [The battle for leadership in the 21st century. Russia, USA, China. Seven options for the near future], Knizhnyi mir, Moscow, Russia.
- Sukharev, O. (2003), “Evolutionary Macroeconomics in Schumpeterian Perusal (on a New System of Interaction between ‘Innovator’ and ‘Conservator’)”, *Voprosy Ekonomiki*, no. (11), pp. 41–52. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-11-41-52>
- Sukharev, O.S. (2006), “Evolutionary macroeconomics in the formulation and solution of economic policy issues (a model of interaction between ‘innovators’ and ‘conservatives’)”, *Informatsionnaya ekonomika i kontseptsii sovremennogo menedzhmenta: Materialy pervykh Drukerovskikh chtenii* [Information economy and the concepts of modern management. Proceedings of the first Drucker Conference], Dobroe slovo, Moscow, Russia, pp. 158–178.
- Zhao, J. and Tang, J. (2018), “Industrial structure change and economic growth: A China-Russia comparison”, *China Economic Review*, vol. 47. pp. 219–233.

Информация об авторе

Олег С. Сухарев, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 32; mail@osukharev.com

Information about the author

Oleg S. Sukharev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia; 117218; mail@osukharev.com